

ОСМАНСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ В XVIII в.: ВОССТАНОВЛЕНИЕ МЕЧЕТЕЙ ФАТИХ И ЭЙЮП

Кононенко Евгений Иванович

кандидат искусствоведения, зав. сектором искусства стран Азии и Африки.
ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания».
Россия, Москва, e-mail: j_kononenko@inbox.ru

УДК: 711.168

ББК: 85.118

Аннотация

Мечети Эйюп и Фатих – первые культовые постройки Стамбула, возведенные под султанским патронатом, – играли важнейшую роль в ритуальной и политической жизни Османской империи. Восстановление этих зданий после землетрясения 1766 г. исключало барочные архитектурные эксперименты, потребовав от зодчих расширения поиска образцов для стилизации в рамках «османской классики». Несмотря на несоответствие оригиналам, результаты вольной «реставрации» конца XVIII в. не только удовлетворили заказчика и мусульманскую общину, но из-за следования уже архаичному типу «большой османской мечети» были восприняты как исторические здания.

Ключевые слова:

«большая османская мечеть», барокко, Стамбул, Синан, архитектурная реставрация

Многие постройки Стамбула были разрушены землетрясением 22 мая 1766 г.; ситуацию усугубили толчки, последовавшие 5 августа и 31 января 1767 г. К тому моменту город едва оправился от предшествующего крупного землетрясения 1754 г. «Великое землетрясение» 1766 г. расценивается как одно из поворотных событий в истории османской архитектуры: все многообещающие строительные инициативы султана были надолго свернуты и силы ведомства придворного архитектора были брошены на ликвидацию последствий¹ [10].

Среди наиболее болезненных разрушений оказались и две знаковые для османского Стамбула мечети – Эйюп и Фатих, восстановление которых демонстрирует задачи и особенности османского подхода к реставрации памятников архитектуры.

Мечети (джами) Эйюп и Фатих были первыми мусульманскими культовыми зданиями, возведенными под прямым патронатом султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя) после взятия Константинополя в 1453 г. Кроме того, эти здания оказались первыми стамбульскими постройками, в которых воплотился архитектурный тип «большой османской мечети», предвосхищенный в Юч Шерефели-джами в Эдирне (1447) [1; 6, p. 97–101].

Комплекс Эйюп, возведенный всего через три года после падения Византии, архитектурно оформил важнейшую мусульманскую реликвию – могилу Абу Айюба (Эйюпа) аль-Ансари², сподвижника пророка Мухаммада, чудесным образом обнаруженную на берегу Золотого Рога в период длительной осады 1453 г. Именно Эйюп-джами стала местом, где проводилось «опоясывание мечом Османа» – церемония коронации султанов.

Автор XVII в. Эвлия Челеби³ отметил наличие в интерьере мечети единственного купола, поддерживавшие его мощные арки и полукупол михрабной ниши; на основании этого описания турецкий историк архитектуры Э. Айверди представил мечеть Эйюп как центральнокуполь-

ное здание, перекрытое куполом диаметром около 13 м, поднятом на парусах. В середине XV в. подобная конструкция уже не представляла сложностей для османских строителей [5, р. 482–490]. С севера распор купола передавался на купольные ячейки портика, оформлявшего южную часть двора, особо отмеченного в описании Эвлии. Утверждение Э. Айверди о воспроизведении в Эйюп-джами конструктивной схемы храма Св. Софии требует оговорок, но этот аспект не входит в число наших задач; важнее, что первая большая султанская мечеть на века стала церемониальным центром и архитектурной доминантой османской столицы (рис. 1).

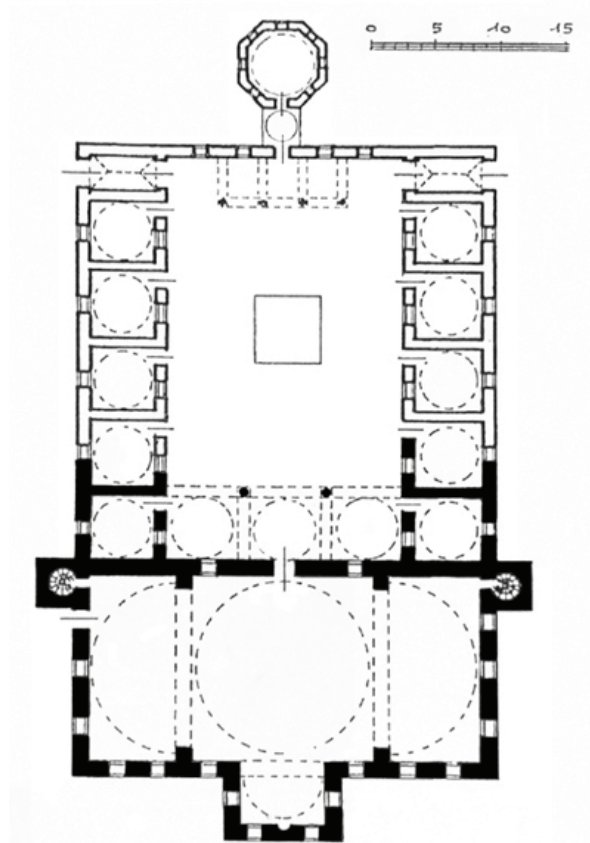

Рис.1. «Первая» мечеть Эйюп. План (Реконструкция Э. Айверди)

Фатих-джами была заложена в 1463 г. на месте церкви св. Апостолов – второго по значению храма Константинополя, византийского династического некрополя и временной резиденции православного патриарха. Размещение на территории прилегающего к мечети огромного комплекса гробницы Мехмеда II утверждало преемственность власти и ставило султана в один ряд с императорами Второго Рима [9, р. 197–201; 11, р. 266–268]. Сама мечеть, воздвигнутая на линии водораздела Мраморного моря и Золотого Рога на вершине Четвертого холма и перекрытая 26-метровым куполом, фланкированным двумя минаретами, подчинила себе панораму центральной части города; ее градостроительная роль подчеркнута и на османских миниатюрах Насуха Матракчи, и на гравюрах Дж. ди Вавассоре, М. Лорка, П. Кука ван Альста (рис 2,3).

Две первых султанских мечети Стамбула характеризовались общностью конструкции (центральный купол + михрабный полукупол + боковые нефы), единством композиции (купольный объем молитвенного зала + двор + два минарета в общих углах зала и двора) и программностью возведения: Эйюп-джами оформила обретенную мусульманскую святыню и стала важнейшим ритуальным центром Империи, Фатих-джами «заместила» византийский императорский некрополь и зримо обозначила новую политическую реальность [7, р. 130–142]. Особое значение этих комплексов предопределило первоочередную необходимость их восстановления после «великого землетрясения».

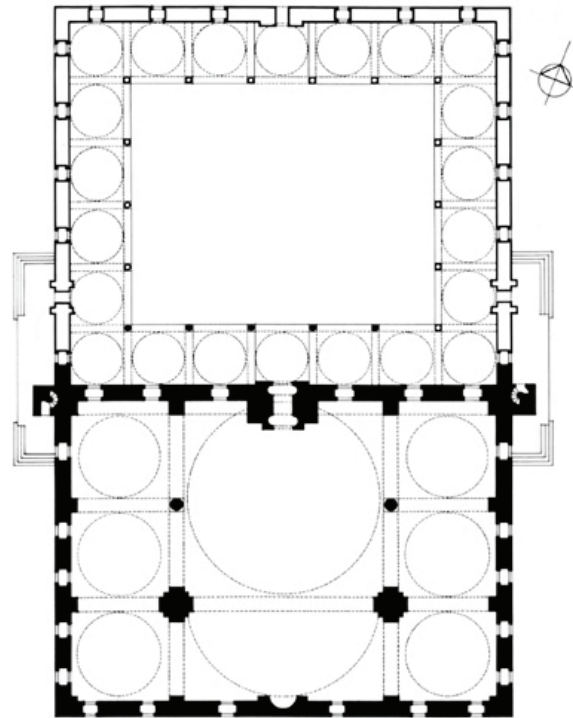

Рис. 2. «Первая» мечеть Фатих. План А. Ульгена (по Г. Гудвину)

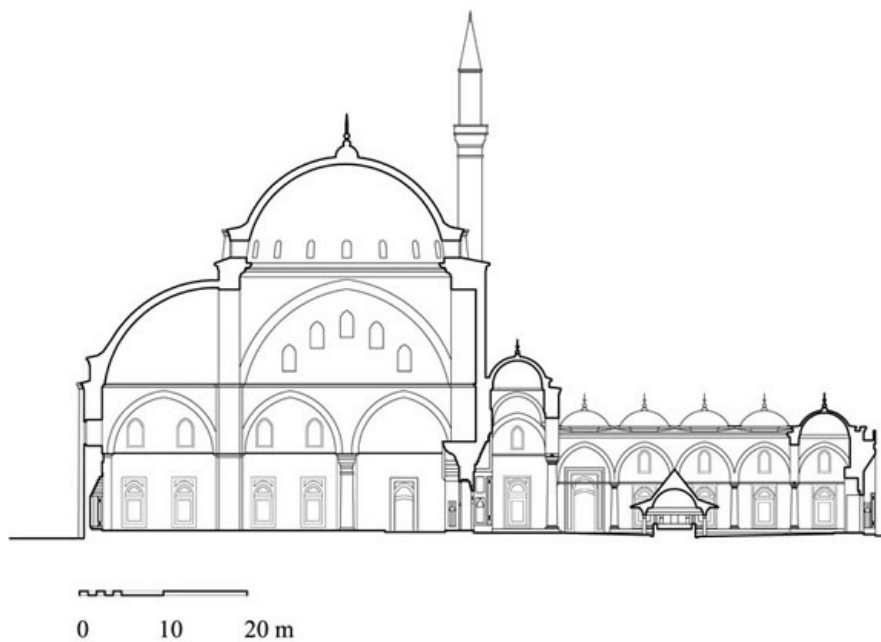

Рис. 3. «Первая» мечеть Фатих. Разрез (по Г. Гудвину)

Необходимо оговорить два важных аспекта. Во-первых, именно Эйюп-джами и Фатих-джами предопределили развитие в столичном зодчестве особого типа культовых зданий – «большой османской мечети», связанного с высочайшим монаршим патронатом, программой монументальной пропаганды и практикой замещения святынь, выраженного в композиции и особом масштабе сооружений. Именно к этому типу относятся хрестоматийные постройки, ассоциирующиеся с представлением о турецкой мечети в целом, – построенные великим архитектором Синаном мечети Шехзаде и Сулеймание в Стамбуле, Селимие в Эдирне, а также комплексы Султанахмет («Голубая мечеть»), Йени и Нуросмание, сформировавшие облик исторической части Стамбула [6, р. 206–211, 216–240, 261–269, 343–349, 381–392].

Во-вторых, в начале XVIII в. в поисках новых форм османская культура обратилась к европейскому опыту, запоздало создав собственный вариант барокко. К середине столетия «османское барокко» окрепло настолько, что из парадигмы декоративных элементов для малых форм (порталов, фонтанных павильонов, мавзолеев) превратилось в фактор, определивший архитектуру масштабных сооружений. Однако появление мечетей Нуросмание (1748–1755) и Лалели (1760–1774) продемонстрировало как девальвацию поводов для закладки «больших османских мечетей», так и постепенное перемещение этого типа из архитектурного мейнстрима в область реконструкции, умелое использование визуальных эффектов, приспособление барочной декорации для архаизации построек [3, с. 77–79].

Само историческое значение мечетей Эйюп и Фатих исключало их реновацию и использование каких-либо экспериментальных форм, обусловив восстановление комплексов в рамках традиционного типа «большой османской мечети».

Строительные работы в комплексе Фатих велись под патронатом султана Мустафы III в 1767–1771 гг. одновременно с возведением Лалели-джами. Здание с рухнувшим куполом восстановлению не подлежало, речь могла идти только о возведении новой мечети в центре комплекса XV в., а потому эксперименты с барочными декорациями были сочтены неуместными. Архитектура «новой Фатих-джами» ожидаемо оказалась стилизацией под османскую классику, но образцом были избраны не здания эпохи Мехмеда II, а многократно опробованная конструкция квадрифолия полукуполов, разработанная в XVI в. и воспринимавшаяся как норматив для султанского заказа [2] (рис. 4, 5, 6).

Если бы реставраторы попытались совместить знаменитый 26-метровый купол с новой опорной конструкцией, то Фатих-джами оказалась бы самой крупной из османских мечетей-квадрифолийев; но отказ от восстановления перекрытий привел к уменьшению купола до 20 м –

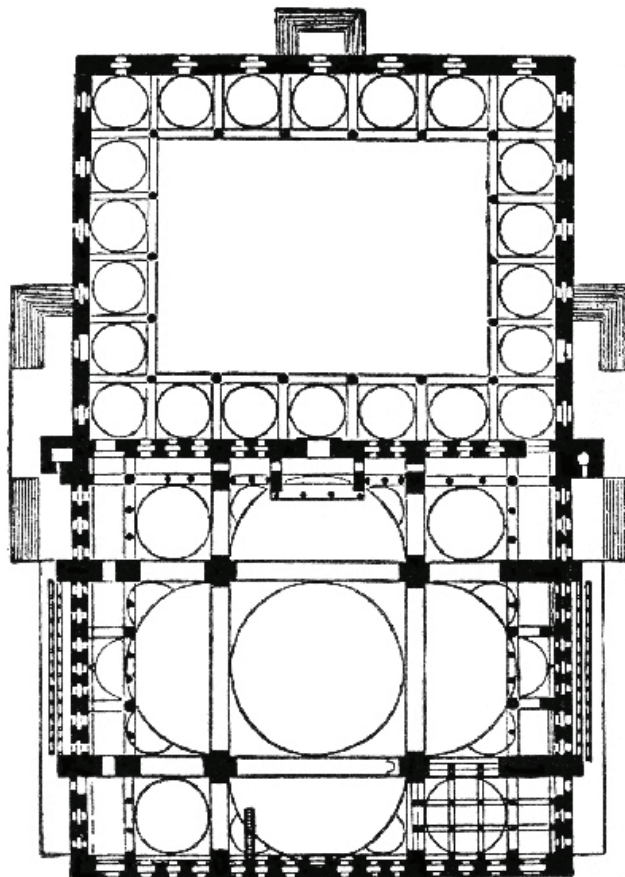

Рис. 4. Современная мечеть Фатих. План (по Г. Гудвину)

Рис. 5. Мечеть Фатих. Аэрофотосъемка (фото предоставлено Ю. Вурмазом)

Рис. 6. Мечеть Фатих. Перекрытия (фото Е. Кононенко, 2019)

довольно скромного для стамбульских мечетей параметра. Основой балдахинной системы, поддерживающей перекрытия, являются крещатые столбы и мощные контрфорсы на всех четырех сторонах зала, вычленяющие глубокие лоджии вдоль боковых стен. Эти лоджии обусловили планировку зала в виде прямоугольника, чуть вытянутого в поперечном направлении. Ближайшей планировочно-конструктивной аналогией «новой Фатих-джами» предсказуемо является Голубая мечеть, но программная архаизация потребовала обращения и к более скромной Йени-джами – граненые столбы, глубоко вдающиеся в интерьер контрфорсы и пониженные подпружные арки лишили зал открытости, обтекаемости и ясности. К юго-западному столбу примыкает невысокий муэzzин-мафилъ – площадка для последнего призыва на молитву, уже исчезнувшая в мечетях XVIII в. и потому воспринимаемая как нарочитый архаизм, хотя в оригинальной мечети о наличии такого возвышения не известно.

Вдоль боковых фасадов тянутся переходы с плоскими перекрытиями, соединяющие северные и южные проходы в зал, объединенные общим цоколем. В отличие от своих предшественников, зодчий отказался от расширения пространства для молитвы с помощью наружных галерей или лоджий. Давно перестав быть единственной вместительной мечетью в центральной части Стамбула, реставрируемая Фатих-джами не была рассчитана на размещение большей части мусульманской общины даже в праздничные дни и, оставаясь одним из наиболее значимых мест в мемориальном и градостроительном отношениях, была все-таки лишь одним из многих ритуальных пространств.

Если восстановление Фатих-джами началось уже на следующий год после «великого землетрясения», то мечеть Эйюп – главный мусульманский реликварий и один из важнейших церемониальных объектов Империи – ждала серьезных восстановительных работ три десятилетия. Ни у Мустафы III, ни тем более у его преемника Абдул-Хамида I, втянутого в войну с Россией, не хватало средств на очередной амбициозный архитектурный проект. На восстановление комплекса Эйюп (1798–1800) решился только реформатор и покровитель искусств Селим III, сын Мустафы III, в этом начинании исследователи видят своеобразную конкуренцию с отцом [12, р. 355–356].

В то время как образцом для восстановления Фатих-джами стали мечети-квадрифолии XVII в. Реставраторы комплекса Эйюп, как и строители Лалели-джами, вдохновлялись октагоном Селимие-джами в Эдирне (1569–1574). От обновленного здания не требовалось архаизации – задача его функционирования в качестве места церемоний превалировала над сохранением исторического ансамбля и искусственным созданием «налета времени». Купол диаметром 17,5 м опирается на 8 точек – шесть огромных колонн и пару мощных Г-образных устоев, фланкирующих михрабную нишу и оформленных ордерными пилястрами. В отличие от Лалели, балдахинная система в Эйюп-джами не имитируется, она конструктивна – опоры купола соединяются арками с контрфорсами, вдающимися в интерьер и оформленными как пилястры; диагональные экседры немного уже, чем расположенные на осях интерьера, из-за чего зал приобрел крестообразность, сопоставимую с мечетями-квадрифолиями (рис. 7, 8, 9).

Размер зала позволил окружить подкупольное пространство с трех сторон обходом, в котором расположены галереи на широких аркадах; тем самым зал сохранил трехнефное членение, реконструируемое в разрушенном здании XV в. Галереи занимают только часть боковых и северного нефа, оставляя пространство между поддерживающими их аркадами на тонких колонках и опорами купола, напоминая об аналогичном П-образном обходе в эдирнской мечети. За счет введения угловых ячеек, перекрытых куполами с широкими подпружными арками, интерьер лишился синановской ясности и воспринимается более сложным и «загроможденным», нежели в мечетях Селимие и Лалели (что, впрочем, вполне отвечает барочным ценностям).

Исследователи османской архитектуры XVIII в. прошли мимо того факта, что «реставраторы» мечети Эйюп опирались на готовое решение, использованное в другом произведении Синана:

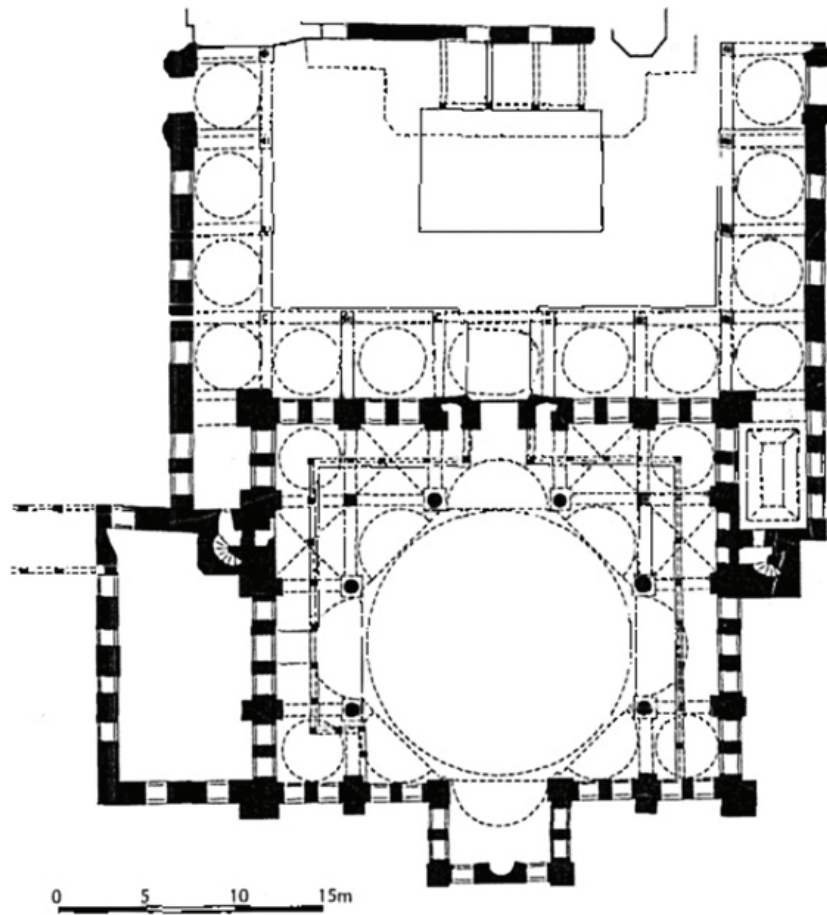

Рис. 7. Современная мечеть Эйюп. План (по Э. Айверди)

Рис. 8. Мечеть Эйюп. Аэрофотосъемка (фото предоставлено Ю. Вурмазом)

Рис. 9. Мечеть Эйюп. Перекрытия (фото Е. Кононенко, 2018)

дополнение конструкции октагона угловыми купольными ячейками скопировано из мечети Соколлу Мехмед-паша в стамбульском районе Азапкапы (1573–1578) [6, р. 285–286] (рис. 10, 11).

Строителям Эйюп-джами пришлось решать ту же задачу – опора подпружных арок купола на столбы, составляющие ребра подкупольного восьмигранника, но если Синан мог себе позволить

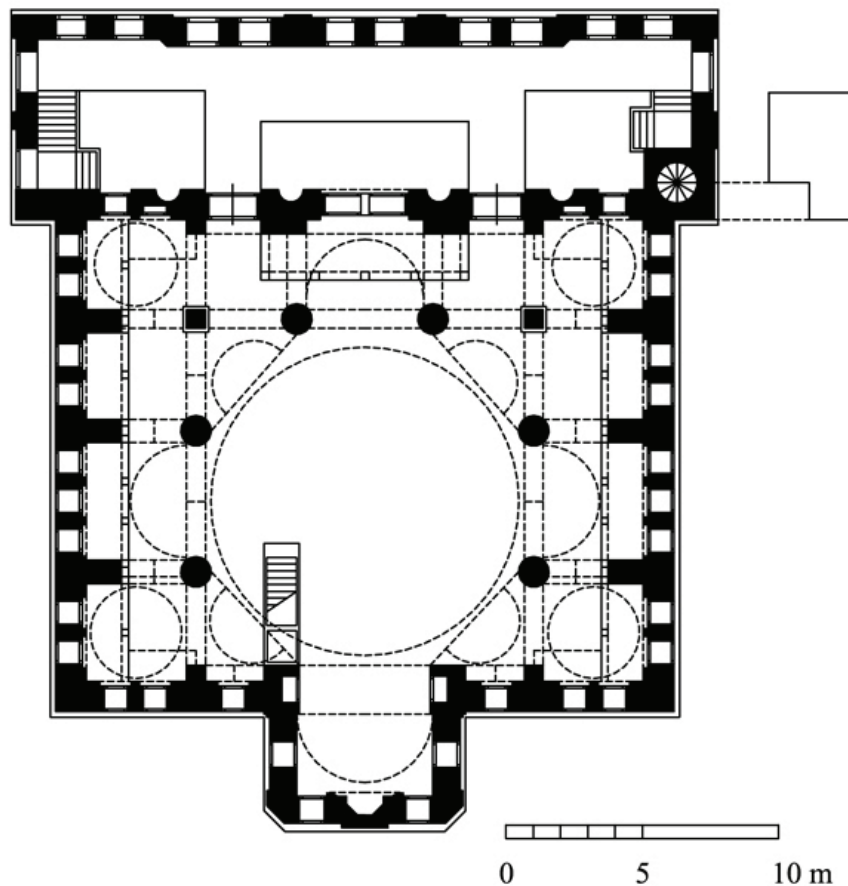

Рис.10. Мечеть Соколлу Мехмед-паша в Азапкапы. План (по Г. Гудвину)

Рис.11. Мечеть Соколлу Мехмед-паша в Азапкапы. Интерьер (фото О. Евдокименко, 2018)

просто «нарастить» фуст колонны консолью, то представление мастеров конца XVIII в. об ордерных конструкциях такой вольности не допускало: на опорных колоннах Эйюп-джами на 2/3 высоты появились дополнительные эхины и абаки, соответствующие пристенным пилястрам, но не изменяющие пропорции колонн. Очевидно, что от архитекторов Селима III потребовалось «примирение» конструктивного решения Синана с программой ордерной декорации.

На галерее молитвенного зала нашлось место для выделенной царской ложи (*hünkâr mahfili*), правда, не в юго-восточном углу, как в большинстве мечетей, предполагавших присутствие султана, а в юго-западном. Безусловно, такое перемещение изолированной ложи вдоль стены киблы обусловлено не особенностями совершения молитвы в данной мечети, а сообщением с примыкающим закрытым двором, использовавшимся для подготовки к светским церемониям.

Планировка двора мечети напоминает решение в Лалели-джами: ширине молитвенного зала соответствуют лишь 5 ячеек фасадного портика из семи, две угловые ячейки обеспечивают увеличение ширины двора, соединяющего молитвенный зал с реликвариумом – гробницей Айюба ан-Ансари. Центральную ячейку портика пришлось расширить, перекрыв ее куполом с овальным основанием. Наличие дополнительных построек, сохранившихся от раннего комплекса, заставило разместить основание западного минарета не на углу основного объема или двора, а примерно на 2/3 длины молитвенного зала, закрыв им одно из прясел западного фасада; восточный минарет Эйюп-джами появился только в первой четверти XIX в. и отличается по оформлению.

Восстановление с разницей в 30 лет двух важнейших как для османского церемониала, так и для истории турецкой архитектуры и стамбульского градостроения культовых комплексов XV в. демонстрирует общность принципов османской реставрации. Оба нововдела оказались стилизациями под османскую архитектурную классику, с которой ассоциировались мечети Синана: в композиции Фатих-джами в очередной раз использован квадрифолий полукуполов, основой зала Эйюп-джами стал октагон с восемью экседрами, отсылающий к эдирнской Селимие, но почти дословно воспроизводящий композицию мечети в Азапкапы. При этом конструктивные достижения предшественников мало интересовали реставраторов – важнее было воссоздать лишь привычный образ классической османской мечети.

Программная задача архаизации зодчими конца XVIII в. была успешно решена: хотя представители одного поколения имели возможность сравнить «старую» и «новую» Фатих-джами, уже в XIX в. реконструированное здание воспринималось как оригинальная постройка Мехмеда Завоевателя, и турецкому исследователю М. Ага-оглу пришлось специально доказывать несоответствие привычного для стамбульцев здания постройке XV в. [4; 12, р. 305–309]. От восстановленной Эйюп-джами, более вовлеченной в церемониальную программу, историческая достоверность требовалась в меньшей степени, и то, что комплекс-новодел продолжал служить не только реликварием, но и местом коронации, полностью выполняя традиционные церемониальные функции, свидетельствует о принятии результатов барочной стилизации.

Очевидное масштабное, конструктивное и композиционное несоответствие стамбульских мечетей-новоделов, возведенных в конце XVIII в., памятникам XV в. показывает, что перед османскими реставраторами не стояла задача восстановления разрушенных оригиналов: речь шла прежде всего о создании адекватной замены важнейшим культовым сооружениям, причем адекватность определялась не копированием архитектурных форм, но, во-первых, выполнением новыми зданиями привычных церемониальных и градостроительных функций и, во-вторых, одобрением этих зданий жителями Стамбула. Средством решения этой задачи стало расширение круга потенциальных образцов, причем памятники XV в. оказались из этого круга исключены: мастера обратились к более привычным формам османской классики XVI в., создав их удачные барочные версии в рамках традиционного для султанского патронажа архитектурного типа с использованием анахроничных функциональных элементов (царские ложи – муэззин-мафиль), отсутствовавших в реставрируемых сооружениях. Успех нарочитой архаизации был обусловлен обращением к наследию Синана, авторитет которого обеспечил необходимую историческую дистанцию и требуемую традиционность результатов работы мастеров «османского барокко».

Следует оговорить, что реставрация стамбульских комплексов вне зависимости от близости к оригиналу продемонстрировала окончательное перемещение типа «большой османской мечети» в область исторической реконструкции [3, с. 77–79]. В XIX в. потребности в масштабных проектах исламских культовых зданий, требовавших обращения именно к этому типу, в столичной архитектуре Османской империи уже не возникало. Как ни странно, Эйюп-джами оказалась одновременно и первой, и последней «большой османской мечетью» Стамбула.

Примечания

¹ Аналогично восстановительные работы после стамбульского землетрясения 1894 г. отвлекли ранее приглашенных европейских архитекторов и прервали реализацию проектов неосманского архитектурного стиля [8, с. 374–275].

² Халид ибн Зейд Абу Айуб аль-Ансари – сподвижник пророка Мухаммада, участник арабского похода 669 г. на Константинополь.

³ Эвлия Челеби (ок. 1611 – ок. 1682) – османский путешественник; его «Книга путешествия» (Сейяхат-наме) является ценнейшим источником по истории, географии, культуре Османской империи и сопредельных стран.

Библиография

1. Кононенко, Е.И. Большая османская мечеть / Е.И. Кононенко // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур. – М. : ГИИ, 2018. – С. 92–117.
2. Кононенко, Е.И. Квадрифолий в планировке османских мечетей / Е.И. Кононенко // Академический вестник УралНИИпроект. – 2019. – № 1. – С. 56–62.

3. Кононенко, Е.И. Стамбульские мечети «османского барокко»: от новаторства к архаизации / Е.И. Кононенко // Академический вестник УралНИИпроект. – 2019. – № 3. – С. 74–80.
4. Aga-Oglu, M. The Fatih Mosque at Constantinople / M. Aga-Oglu // Art Bulletin. – 1930. – Vol. 12. – №. 2. – P. 179–195.
5. Ayverdi, E.H. Osmanlı Mimarisinde Fâtih Devri. Cilt 3 / E.H. Ayverdi. – İstanbul, 1973.
6. Goodwin, G. A History of Ottoman Architecture / G. Goodwin. – London : Thames & Hudson, 2003.
7. Kafescioglu, Ç. Constantinopolis/Istanbul. Cultural Encounter, Imperial Vision, and the Construction of the Ottoman Capital / Ç. Kafescioglu. – Philadelphia, 2009. – P. 130–142.
8. Kononenko, E. «Ottoman» vs «Turkish»: Rhetoric and Architectural Practice on the Eve of the Division of the Empire / E. Kononenko // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2018. – Vol. 284. – P. 373–377.
9. Krautheimer, R. Studies in Early Christian, Medieval and Renaissance Art. / R. Krautheimer. – New York : New York University Press, 1969.
10. Mazlum, D. 1766 Istanbul Depremi. Belgeler Isiginda Yapi Onarimlari / D. Mazlum. – Istanbul: Istanbul Arastirmalari Enstitusu, 2011.
11. Necipoglu, G. From Byzantine Constantinople to Ottoman Kostantiniyye: Creation of a cosmopolitan capital and visual culture under sultan Mehmed II / G. Necipoglu // From Byzantion to Istanbul. 800 years of a Capital. – Istanbul, 2010.
12. Rüstem, Ü. Architecture for a New Age: Imperial Ottoman Mosques in Eighteenth-Century Istanbul / Ü. Rüstem. – Cambridge : Harvard University Press, 2013.

Дата поступления: 27.10.2019

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция – На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

ARCHITECTURAL «RESTORATION» IN THE 18TH CENTURY OTTOMAN EMPIRE: RENOVATION OF FATIH AND EYUP MOSQ

Kononenko Evgeniy I.

PhD. (Art Studies), Head of the Sector of the Art of Asian and African Countries.

State Institute for Art Studies

Russia, Moscow, e-mail: j_kononenko@inbox.ru

Abstract

The mosques of Eyup and Fatih were the first cult buildings of Istanbul erected under Sultan's patronage. They played a crucial role in the ritual and political life of the Ottoman Empire. The rebuilding of these mosques after the 1766 earthquake ruled out Baroque architectural experiments, requiring from the architects to expand the search for patterns of stylization conforming to the "Ottoman classics". Despite the departure from the originals, the results of the late 18th century liberal "restoration" satisfied the customer and the Muslim community; moreover, they were perceived as historic buildings for following the already archaic type of the "Great Ottoman Mosque".

Keywords

«Great Ottoman Mosque», Baroque, Istanbul, Sinan, architectural restoration

References:

1. Kononenko, E.I. (2018) «The Great Ottoman Mosque». Culture of the East, Issue 3: «The Visiting Cards» of Eastern Cultures. Moscow: GII, pp. 92–117. (in Russian)
2. Kononenko, E.I. (2019) The Quatrefoil in the Plan of Ottoman Mosques. Academic Bulletin of UralNIIproekt, No. 1, pp. 56–62. (in Russian)
3. Kononenko, E.I. (2019) Istanbul Mosques in «Ottoman Baroque»: from Innovation to Archaization. Academic bulletin of UralNIIproekt, No. 3, pp. 74–80. (in Russian)
4. Aga-Oglu, M. (1930) The Fatih Mosque at Constantinople. Art Bulletin, Vol. 12, No. 2, pp. 179–195.
5. Ayverdi, E.H. (1973) Osmanlı Mimarisinde Fâtih Devri. Cilt 3. İstanbul.
6. Goodwin, G. (2003) A History of Ottoman Architecture. London: Thames & Hudson.
7. Kafescioglu, Ç. (2009) Constantinopolis/Istanbul. Cultural Encounter, Imperial Vision, and the Construction of the Ottoman Capital. Philadelphia, pp. 130–142.
8. Kononenko, E. (2018) «Ottoman» vs «Turkish»: Rhetoric and Architectural Practice on the Eve of the Division of the Empire. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Vol. 284, pp. 373–377. (in Russian)
9. Krautheimer, R. (1969) Studies in Early Christian, Medieval and Renaissance Art. N.Y.: New York University Press.
10. Mazlum, D. (2011) 1766 İstanbul Depremi. Belgeler Isiginda Yapi Onarimlari. İstanbul: İstanbul Arastirmalari Enstitusu.
11. Necipoglu, G. (2010) From Byzantine Constantinople to Ottoman Kostantiniyye: Creation of a Cosmopolitan Capital and Visual Culture under Sultan Mehmed II. From Byzantion to İstanbul. 800 years of a Capital. İstanbul.
12. Rüstem, Ü. (2013) Architecture for a New Age: Imperial Ottoman Mosques in Eighteenth-Century İstanbul. Cambridge: Harvard University Press.